

«ЦЕЛОСТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА» И «ЦЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА»: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Статья посвящена разграничению содержания понятий целостности и цельности применительно к специфике человеческого существа. Целостность человека трактуется как наличие и единство всех составляющих её частей, цельность – как присущая ей функционально-структурная характеристика, показатель наличия у неё цели.

Ключевые слова: человек, целостность, типы человеческой целостности, цельность, цель, целесообразность, целеустремлённость.

В различных философских и научных текстах, написанных на русском языке, содержания понятий «целостность» и «цельность» нередко смешиваются, а зачастую и отождествляются. Термины, то есть слова, соответствующие этим понятиям, используются этим понятиям, используются спонтанно, чередуясь в одном тексте вне какой-либо логики. Сложившееся положение частично объясняется тем, что в русском языке слова «целостность» и «цельность» могут выступать в роли синонимов с минимальными смысловыми различиями. Данное обстоятельство, впрочем, ничего и никого не оправдывает. «Кто ясно мыслит, тот ясно излагает»; это давно известное суждение ныне де-факто утратило своего автора, однако вряд ли кто-нибудь из пытающихся мыслить индивидов станет всерьёз сомневаться в его верности.

Особую остроту неупорядоченность взглядов исследователей относительно должного разграничения явлений, обозначаемых понятиями целостности и цельности, приобретает при обсуждении проблем человека, его сущности и существования. Налицо актуальность прояснения вопроса о соотношении рассматриваемых понятий в контексте специфики человеческого естества. Признание данного вопроса актуальным вовсе не означает его принципиальной новизны. Применительно к русскоязычным философско-научным текстам антропологического характера этот вопрос не нов, так как в них нередко фигурируют термины «целостность человека» и «цельность человека». Однако анализ практики применения этих терминов свидетельствует о том, что они далеко не всегда могут быть признаны адекватными речевыми отображениями тех понятий, которые призваны репрезентировать.

С начала XXI века в нашей стране опубликовано немало монографий [7], [8], [13], [17], [22], [23] и др., а так же статей [4], [5], [6], [9], [24] и др., напрямую посвящённых целостности человека. Каждый из авторов этих работ при обозначении своей позиции в той или иной мере учитывает взгляды коллег на то, какое именно явление подобает мыслить в понятии «целостность человека». Что же касается понятия «цельность человека», то представления различных исследователей о его должном содержательном наполнении также встречаются в философской литературе [13], [16], [21] и др. Казалось бы, при вполне реальном интересе специалистов к данным понятиям не может быть никаких сомнений по поводу выявленности и конвенциональной закреплённости деталей их содержания. Но сравнительный анализ глубины общей философской разработанности избранных для рассмотрения понятий однозначно свидетельствует о несовершенстве их содержательного наполнения. Содержание понятия «целостность человека» детализировано слабо и довольно-таки противоречиво; то же, но только в большей степени присуще и детализации содержания понятия «цельность человека». В связи с этим есть смысл обратить особое внимание на то, что в имеющей место познавательной ситуации выявление соотношения обсуждаемых понятий может быть корректным только при чётком обозначении особенностей содержания каждого из них.

Решение задачи выявления соотношения этих понятий диктует необходимость внимания к факту отсутствия эмпирически достаточно обоснованных и одновременно эвристически ценно концептуализированных представлений о человеке. Мыслители разных времён и наро-

дов совершили множество попыток формирования по-настоящему универсального содержательного наполнения понятия «человек», однако ни одна из них не увенчалась, да и не могла увенчаться успехом. Причина тому – многореальность человеческого существа, находящая отражение в неисчерпаемости тех его признаков, которые в различных измерениях могут сыграть роль понятиеобразующих. На текущий момент понятию «человек» нельзя дать определения, безукоризненно точно раскрывающего его содержание, и вряд ли данная задача окажется разрешимой в будущем. Поэтому стоит предположить, что понятийная неопределённость человека является его атрибутом. Впрочем, эту неопределённость ни в коем случае не надо абсолютизировать; вся история становления антропологического знания свидетельствует о том, что верное отражение некоторой части понятиеобразующих признаков человеческого существа, необходимое для успешной разработки довольно-таки широкого круга исследовательских вопросов, практически всегда оказывается вполне возможным.

О целостности того или иного нечто, то есть о том, что оно является целым, допустимо вести речь только тогда, когда у него «не отсутствует ни одна из тех частей, состоя из которых оно именуется целым от природы, а также то, что так объемлет объемлемые им вещи, что последние образуют нечто одно» [2, с. 174-175]. Если взять данное суждение само по себе, то его истинность выглядит несомненной. Другое дело, насколько продуктивной окажется опора на присущее ему содержание, если оно действительно будет вовлечено в процесс исследования «само по себе», без учёта его взаимосвязи с суждениями, свидетельствующими о наличии у целостности иных необходимых, существенных и специфических признаков. Думается, что естественное для данной ситуации признание любой целостности исключительно суммой составляющих её частей непродуктивно с онто-гносеологической точки зрения в связи с его заведомо сомнительной корректностью применительно к великому множеству конкретных фрагментов бытия. Этот подход делает понятия целостности и частей крайне малосодержательными и они, соответственно, едва ли не на сто процентов утрачивают свои эвристические возможности.

Однако полный отказ от рассмотрения всех без исключения целостностей как суммативных образований неминуемо ставит исследователя в оппозицию относительно де-факто складывающегося положения вещей. Суммативные целостности имеют, конечно же, место в жизни, и это вполне объясняет и в какой-то степени даже оправдывает сосредоточение исследовательского внимания на тех особенностях, которыми они обладают. Не стоит только упускать из виду, что свойственная некоторым целостностям суммативность принципиально неабсолютна, да и реальное существование их самих скорее исключение, чем правило.

Целостность есть единство частей, их общее синтетическое качество, части же, взятые по отдельности, представляют собой разрозненные носители элементов этого качества, выступающего как потенция. Более того, целостность и составляющие её части могут обнаруживаться и раскрываться исключительно друг через друга, по ходу их соотношения в каком-либо аспекте. Данное обстоятельство предопределяет трудности, практически всегда возникающие при попытках выявить детали подлинного отношения между целостностью и её частями. Ведь, в самом деле, с одной стороны, объективно существующие связи между частями снимаются в обобщающей их целостности. С другой стороны, выявляемые особенности взаимной связи частей конкретной целостности неизбежно оказываются искажёнными, субъективированными, сведения о них содержат в себе нечто спорное, ошибочно трактуемое, а то и вовсе непричастное к ней самой, привнесённое исследователем, являющееся прямым проявлением интенциональности его собственного мироотношения. Всякая целостность на момент её непосредственного рассмотрения каким-либо искусственным образом оторванная, отчуждённая от своего предшествующего и последующего состояний, лишённая многообразных взаимовлияний с иными целостностями, есть нечто относительно завершённое, ставшее, проникнутое единством, результирующим процесс развития определённого фрагмента действительности. Такой вариант её видения вполне допустим, правда, только в контексте сугубо исследовательского, инструментального применения.

Перейдём к детализированному обсуждению особенностей содержания понятия «це-

лостность человека». Стоит прежде всего заметить, что сочетание разных по тесноте и характеру связей между частями человеческой целостности с наличием у неё совокупных, системных свойств у целого позволяет признать её сверхсуммативной. При этом она непременно явится ещё и органическим целым, так как для её существования характерны внутреннее взаимодействие частей, сочетающееся с взаимодействием целого с внешней средой и способностью к саморазвитию. К тому же важность соотносительных (коррелятивных) и объединительных (интегративных) связей между частями здесь настолько велика, что они не могут функционировать вне целого, а изменение в одной из них неминуемо влечёт за собой изменения как в других частях, так и во всём целом.

Разными, относительно обособленными, специфически оформляющимися частями, сторонами своей становящейся целостности человек реализуется в трёх мирах – доступных ему фрагментах целостного Мира. Эти миры раскрываются человеку как три качественно различные сферы его существования: природная, социальная и духовная. В природной сфере, в предметно-вещественном мире человек проявляет собственное естество как организм, воплощая его потенции в жизнь в ходе ограниченной в пространстве и во времени, морфо-функционально обусловленной жизнедеятельности. В социальной сфере, в мире межчеловеческих отношений человек представлен своей личностью, являющей собой его социальное качество, возникающее, формирующееся и обнаруживающееся в процессе его социально-ролевой репрезентации. В духовной сфере, в этом принципиально ином по отношению к природе и обществу миру, в царстве Абсолютных Истины, Добра и Красоты человек осуществим (по крайней мере, потенциально) душой – органом интимного духовного бытия, посредством которого он трансцендирует, преодолевая границы наличного существования. Будучи различными формами реализации человеческого естества, соответствующими специфике отдельных сфер существования человека, организм, личность и душа представляют собой экзистенциальные составляющие его целостности, то есть те ипостаси, в которых протекает его жизнь в Мире.

Никакая целостность, в том числе человеческая, не может «осуществиться абстрактно. Осуществление означает конкретизацию» [20, с. 113]; конкретная же целостность, являя собой конкретное единство конкретных частей, находящихся в конкретных отношениях, предстаёт перед исследователем в одном из возможных типов.

Согласно Д.В. Пивоварову, определение типа всякой целостности возможно на основе характера связи и степени слитности её частей. Существование трёх заметно отличающихся друг от друга вариантов связи целого и его частей, их взаимного влияния свидетельствует о целесообразности выделения трёх основных типов целостности: тоталитарного, партитивного и гармонического [19]. Тоталитарная целостность имеет место при доминировании целого над частями, партитивная – частей над целым. Гармонической же целостности свойственно отсутствие доминирования частей и целого друг над другом, взаимораскрывающий характер их связи.

Исследование человеческой целостности позволяет обнаруживать её во всех трёх обозначенных типах. Описание признаков, наличие которых выступает основанием для утверждения о её принадлежности к определённой типу, можно свести к следующему:

1. Тоталитарная целостность осуществляется посредством последовательного нивелирования наиболее ярко выраженных свойств тех частей, из которых она состоит. При этом доминирование целого над частями выстраивается как более или менее явное «заимствование» у одной из них некоторых естественных для неё интенций и формирование на их основе интенциональности индивидуального мироотношения человеческого существа. Анализ возможной специфики интенциональности мироотношения свидетельствует о допустимости отнесения целостности данного индивидуума либо к натуроцентрической, либо к социоцентрической, либо к теоцентрической модификации. Первая из них, натуроцентрическая модификация рассматриваемого типа целостности, отражающая акцентированную реализацию потребностей и способностей организма, находит проявление в последовательном проведении в жизнь гедонистических установок, сопряжённых с эгоизмом и самодостаточностью человеческого существа. Вторая, соци-

оцентрическая модификация этой целостности, предполагающая преимущественную актуализацию личностных способностей и потребностей, выражающих своеобразие складывающихся общественных отношений, обнаруживается в однозначно конформистской и коллективистской ориентации человека, сочетающейся с его сверхнормативной социальной активностью (или же, напротив, социально одобряемой пассивностью) и фактической утратой им собственной индивидуальности. В своей третьей, теоцентрической, ориентированной на труд души и духовные искания модификации тоталитарная целостность выступает как влечение человека к смысложизненным размышлениям, к поиску Бога в себе и себя в Боге, как постоянно рефлекслируемое тяготение к тому, чтобы свести до допустимого минимума собственную социальную активность; наряду с этим нередко встречается отношение к своему телу как к греховной плоти, недостойной, возможно, заботы, а то и подлежащей умерщвлению.

2. Партитивная целостность тоже обнаруживается в трёх модификациях, натуроцентрической, социоцентрической и теоцентрической. Здесь первичной, однозначно раскрывающейся оказывается специфика главенствующих свойств одной из частей человека, а не интенциональности его целостного мироотношения, поэтому обнаруживаемые модификации характеризуются значительно большим, чем в предшествующем случае, отрицанием того, что имеет прямое отношение к свойствам других его частей. Наиболее яркое концентрированное выражение эти модификации находят, соответственно, в животности человеческого существа, в его социальной зомбированности, а также в религиозном или же антирелигиозном фанатизме. Животность как гипертрофированная природность выражается в сосредоточенности человека на удовлетворении собственных телесных потребностей; при этом его мироотношение разворачивается в диапазоне от скотоподобия (тупой бессмысленности) до зверообразности (оголтелой хищности). Социальная зомбированность предстаёт в различных формах безоглядного карьеризма или диссидентства, сопряжённых с чётким обозначением важности своей роли в жизни общества и незаменимости себя в этой роли. Относящиеся к духовным феноменам религиозный фа-

натизм и догматический воинствующий атеизм – его обратная сторона – проявляются во всепоглощающей склонности человека к мессианству, в его стремлении к подвижничеству, в жертвенной установке.

3. Гармоническая целостность человека представляет собой подлинное единство, совершенную согласованность, сонастроенность всех природных, социальных и духовных составляющих его естества. Носитель гармонической целостности вполне последовательно ведёт здоровый образ жизни, проявляет душевную расположенность и любовь к людям, творчески осуществляет освоение доступных фрагментов действительности. Что же касается выделения каких-либо модификаций человеческой целостности, то в данном случае оно вряд ли приведёт исследователя к лучшему пониманию реального положения вещей.

Очевидно, что целостность человеческого существа, пребывающая в состоянии гармонии, с самых разных точек зрения выглядит весьма привлекательным вариантом её конкретно-жизненного воплощения. По крайней мере, есть основание для того, чтобы признать данный тип человеческой целостности онтологически наиболее совершенным. Тут можно сослаться на Г.В.Ф. Гегеля, который пишет так: «Гармония представляет собой соотношение качественных различий, взятых в их совокупности и *вытекающих из сущности самой вещи* (курсив мой. – И.Б.)» [10, с. 149]. При этом есть смысл подчеркнуть и то, что состояние гармонии, достигаемое полноценным человеком по ходу становления, не является абстракцией, порождённой фантазией исследователя, далекого от реальной жизни. Хотя это состояние и воистину эфемерно, оно также и притягательно для всякого самосознающего человеческого существа, и принципиально доступно для него.

Стоит отметить, что в рамках целостности, обретшей подлинную гармонию, ни одна из её частей – экзистенциальных составляющих – не только не лишается самобытности своего естества, но и получает возможность её проявить. Все они, и организм, и личность, и душа даже при достижении предельно точного взаимного соответствия, согласованности друг с другом остаются сами собой, живут как субстанционально, так и функционально не только общей, но и вполне полноценной собственной жизнью, сохраняя и проявляя при этом есте-

ственные для себя свойства. Впрочем, индивидуальные свойства составляющих человеческой целостности вторичны по отношению к её системным свойствам, концентрированно выраженным в присущих ей способностях и потребностях. Что же касается последних, то их соотношение друг с другом и с условиями актуализации утрачивает прежнюю меру оптимальности при любых преобразованиях человеческой целостности. Направленность и масштаб изменений этой меры существенным образом определяют специфику вновь возникающего состояния человеческой целостности и, соответственно, её типа.

Думается, тем не менее, что выявление и учёт типичного в признаках некоей человеческой целостности не представляют собой достаточного основания для оставления вне сферы внимания того факта, что в каждом конкретном случае, во всякий момент своего становления она, вне зависимости от каких-либо приводящих обстоятельств, ещё и глубоко индивидуальна, неповторима в своей самобытности. По сути дела, целостность, характерная для определённого человека, может быть отождествлена с ним самим, взятом во всём практически безграничном многообразии проявлений его собственного естества, в единстве всегда в чём-то уникальных духовных и социальных свойств и отношений, которыми он обладает, с одной стороны, и более или менее заметных особенностей внутреннего устройства его организма и реализуемых им функций – с другой.

Детализирующее разграничение содержания понятий целостности и цельности в антропологическом аспекте следует предварить прямым указанием на то, в чём заключается суть соотношения обозначаемых ими явлений. *Цельность* представляет собой один из понятиеобразующих признаков всякой сверхсуммативной органической *целостности*, её исключительно важную фундаментальную характеристику, непосредственно связанную с целью, проистекающую из неё, выступающую показателем её наличия. Аристотель, в частности, пишет о том, что «становящееся движется к какому-то началу, т. е. к какой-то цели (ибо начало вещи – это то, ради чего она есть, а становление – ради цели); между тем цель – это действительность, и ради цели приобретает способность» [2, с. 246], которая,

в свою очередь, может существовать и существует только в связи с потребностью, совпадающей с ней по качеству. При этом цель, согласно Г.В.Ф. Гегелю, «есть внутри самой себя побуждение к своей реализации» [11, с. 679]. Р. Акофф и Ф. Эмери, рассматривающие главенствующие параметры целеустремлённых систем, иначе говоря, целостностей, являющихся системно организованными и функционирующими ради достижения цели, вполне резонно отмечают, что «цель – это желаемый результат, недостижимый за рассматриваемый промежуток времени, но доступный в будущем, причём за данный период к нему можно приблизиться» [1, с. 66].

Человеческое существо обычно обладает большей или меньшей цельностью, тем не менее, иногда, оказавшись в состоянии крайней дисгармонии, практически лишается её.

Надо полагать, что понятием «цельность» следует обозначать такую характеристику целостности, которая является структурно-функциональной. В цельности, соответственно, имеет смысл выделить две стороны: структурную и функциональную. Специфика структурной стороны может быть раскрыта при обращении к содержанию понятия «целесообразность», функциональной – понятия «целеустремлённость». Разумеется, данное выделение нельзя не признать исключительно инструментальным, диктуемым необходимостью рационального постижения действительности. Так, Акофф и Эмери, связывающие понятие структуры и функции и стремящиеся при этом показать их полную совместимость, пишут о том, что «структура – это общее понятие, применимое к геометрическим, кинематическим и механическим свойствам, а также ко всем свойствам, представляемым в виде их функций» [1, с. 26]. Относительно же интересующей нас человеческой целостности необходимо отметить, что её структура, играющая роль источника и носителя различных, в том числе – сугубо человеческих функций, вполне определённо реагирует на изменения внешней природно-социально-духовной среды, отвечая на них какими-либо изменениями в себе самой со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Целесообразность представляет собой целевую обусловленность целостности, соответствие её структуры той цели, которая ей

присуща объективно и в какой-либо мере опосредована субъективно.

В природной сфере целесообразность человеческой целостности концентрированно выражается в самоизменяющейся адаптивной активности организма, в его соответствии материально-вещественным условиям жизни и в согласованности, сонастроенности реализуемых им функций. В социальной сфере она находит преимущественное проявление в преобразующей окружение адаптивной активности личности и в эффективности её включённости в процессы социально-ролевой репрезентации. В духовной сфере она явственно обнаруживается как творческая активность души, как её устремлённость за пределы личного существования.

Во всякий момент жизни человека целесообразность его целостности является относительной. Иначе говоря, обладание человеческой целостностью данным признаком означает, что её точное соответствие цели и внешнесредовым условиям существования вполне может быть как утрачено, так и обретоено вновь.

Уточняя содержание понятия целесообразности, считаю нужным вслед за И. Кантом указать на то, что целесообразными допустимо именовать «объект, или душевное состояние или поступок даже тогда, когда их возможность не обязательно предполагает представление о цели, просто потому, что их возможность может быть нами объяснена или понята, только если полагаем в качестве их основы каузальность согласно целям, т. е. волю, которая располагала бы их в данном порядке согласно представлению о некотором правиле» [15, с. 222-223]. Целесообразность, согласно Канту, бывает субъективной и объективной. При этом в пределах объективной целесообразности им усматриваются внешние и внутренние составляющие; внутренняя целесообразность для него – это полезность, а внешняя – совершенство [15].

Г.В.Ф. Гегель именуется внешней целесообразностью «тот случай, когда налично существующее не обладает в себе самым понятием, которым оно определено, а связано с ним каким-то другим субъектом как внешняя форма или отношение» [12, с. 121]. Внутренняя целесообразность, по его утверждению, «заключается в том, что нечто является в самом себе как целью, так и средством, как своим продуктом, так и нача-

лом, производящим этот продукт. В этом, – как вполне резонно отмечает немецкий мыслитель, – и заключается самоцель» [12, с. 168].

Целеустремлённость – это склонность всякой функционирующей целостности стремиться к достижению результата, в наибольшей мере соответствующего её цели.

Человеческой целостности обычно присущи цели, меняющиеся со временем, в связи с чем её целеустремлённость находит отражение в регулировании индивидом своих действий, поступков, поведения в целом. Целеустремлённым при этом может быть признан только человек, который обладает такими способностями и потребностями, при наличии которых ему по силам определить ясную и достойную цель и следовать ей неукоснительно, вне зависимости от каких-либо побочных обстоятельств. Следует отметить, что объём функций, реализуемых всякой целостностью, в том числе человеческой, ограничивается естественными возможностями, задаваемыми её структурой. Однако если какие-либо условия жизни оказываются неблагоприятными, то люди встают перед необходимостью преодолевать возникающие трудности за счёт отрицания прежних и освоения новых вариантов функционирования. Наряду с этим не стоит преувеличивать зависимость процесса актуализации адаптивных и творческих потенций человеческой целостности от меры стабильности внешнесредовых влияний. В частности, целостность, выступающая как целеустремлённая система, «может изменять свои задачи при постоянных окружающих условиях: она выбирает и задачи и средства их выполнения. Тем самым она проявляет волю. Самый известный пример таких систем – люди» [1, с. 40].

Специфика воплощения в жизнь целостным человеческим существом своей целеустремлённости заключается в реализации способности и потребности ставить и добиваться не только общих, «конечных», надиндивидуальных по своей сути целей, но и целей частных, сопряжённых с конкретно-жизненными обстоятельствами и с преимущественным проявлением особенностей одной из своих ипостасей – организма, личности или души. Целеустремлённость оказывается при этом связанной прежде всего с готовностью индивида, пусть даже им самим не осознаваемой, по мере необходимости направлять свои природные,

социальные и духовные сущностные силы на достижении целей, названных здесь «конечными». Имеет смысл уточнить, что эти цели лишь иногда осознаются человеком более или менее явно и верно, обычно же они принимают форму смутных, но очень сильных влечений. Важно понимать также и то, что люди, как пишет И. Кант, «мало думают о том, что когда они, каждый по своему разумению и часто в ущерб другим, преследуют свои собственные цели, то они незаметно для самих себя идут к неведомой им цели природы как за путеводной нитью и содействуют достижению этой цели, которой, даже если бы она стала им известна, они бы мало интересовались» [14, с. 7-8].

Отдельные цели могут достигаться или не достигаться, им можно служить или не служить, они могут стать очевидными для индивида или же оставаться сокрытыми от него, определёнными в себе и для себя, в любом случае именно их совокупность, система детерминирует цельность всякого человеческого существа. Иначе говоря, цельность индивида есть проникнутость его целостности свойственными ему разномасштабными целями, определёнными ими. В цельности человека воедино сливается всё объективное и субъективное, актуальное и потенциальное в его целях. В ней сочетается как то, что присутствует в целях видимо и умопостигаемо, так и то, что вне зависимости от складывающихся обстоятельств неизбежно остаётся непостижимым и самим человеком, и окружающими его людьми.

Вставая, вслед за Аристотелем, на позиции эвдемонизма в его синтетическом варианте, чуждом крайностей гедонизма и морализма, можно заявить, что подлинная, воистину конечная цель любого человека – это счастье [3]. Собственно, движение индивида к счастью, и только оно делает его совершеннее, гармонизирует целостность его естества посредством раскрытия ранее не востребуемых ресурсов организма, личности и души, становящихся необходимыми для противостояния природным, социальным и духовным конкретно-жизненным обстоятельствам и овладения ими. В связи с этим цельность человеческого существа должна быть признана его эвентуально-онтической предзаданностью, мерой индивидуального потенциала разрешения противоречия самобытия и инобытия, то есть доступной ему свободы. Реали-

зуя свою свободу, человек стремится, осознанно или же неосознанно, преодолеть границы, не являющиеся естественным порождением наличного состояния его цельности, а потому сковывающие его, делающие его существование вынужденным, неполноценным, несущим минимум счастья и максимум страдания, то есть принципиально дисгармоничным.

Истинно человеческое счастье состоит, надо полагать, в природно-социально-духовном благополучии индивида. Объективное измерение такого благополучия позволяет обнаружить гармоничность его целостности. Субъективное измерение свидетельствует о наличии у счастливого человека чувства того, что он представляет собой именно то, что должен представлять, имеет при этом всё необходимое, а в глазах окружающих ещё и выглядит так, как ему, по его собственному мнению, надлежит выглядеть.

Целостностям, принадлежащим к тоталитарному и партитивному типам, соответствует потенциальная цельность. Как в том, так и в другом случае вполне очевидно, что цельность человеческой целостности присуща, однако о конкретных её параметрах остаётся только догадываться. Цельность же гармонической целостности непременно будет актуальной. Данное обстоятельство выступает довольно-таки надёжной предпосылкой для того, чтобы во всех возможных случаях верно судить о перспективах проведения эффективного анализа основных особенностей цельности определённого человеческого существа.

Ж. Нюттен пишет о том, «что в общем виде способность конкретизировать свои размытые потребности в реалистичных целевых объектах – главный элемент личностной зрелости и душевного здоровья в различные периоды жизни. Состояние потребности, которое нельзя трансформировать во «что-то реалистичное, что можно сделать или следует достичь» – то есть в поведенческую цель, – создаёт постоянное ощущение дискомфорта и безнадёжности в детстве и отчаяние в старшем возрасте» [18, с. 233-234]. Соглашаясь с автором, высказавшим данную мысль, хочу подчеркнуть, что подлинный характер цельности, свойственный индивиду в каждый момент его становления как целостности, всегда найдёт более или менее очевидное проявление.

Подводя итог всему сказанному, надо отметить следующие особенности соотношения

понятий «целостность человека» и «цельность человека». Цельность задаёт доминирующий вектор становления человеческой целостности, её преобразования на пути перехода из настоящего в будущее, попутно устанавливая некие границы её развития. Имея исключительно оперативно-ситуативный характер, данные границы уходят в небытие по мере приближения человека к ним. Вместе с тем, цельность человеческого существа раскрывается в его отрицании абсолютной безупречности наличного состояния собственной целостности и в утверждении необходимости и возможно-

сти его позитивного, адаптивно-творческого изменения. При этом изначально-сущностное несовершенство целостности человека снимается только в её актуальной цельности. Наличие такой цельности практически полностью ликвидирует возможность конфликта имеющихся де-факто системных свойств индивида, его способностей и потребностей, которые оказываются строго иерархизированными и скорординированными в соответствии с природно-социально-духовными условиями его существования как целостности.

20.09.2013

Список литературы:

1. Акофф, Р. О целеустремленных системах / Р. Акофф, Ф. Эмери. – М.: Советское радио, 1974. – 272 с.
2. Аристотель. Метафизика // Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1. – С. 63-367.
3. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1984. – Т. 4. – С. 53-293.
4. Беляев, И.А. Адаптация как форма становления индивидуальной целостности человека / И.А. Беляев // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – № 2 (108), февраль. – С. 4-10.
5. Беляев, И.А. Творчество как форма становления индивидуальной целостности человека / И.А. Беляев // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – № 10 (116), октябрь. – С. 57-61.
6. Беляев, И.А. Целостность человеческого существа: опыт типологизации / И.А. Беляев // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – № 5 (99), май. – С. 4-10.
7. Беляев, И.А. Целостность человека в аспекте взаимосвязи его способностей и потребностей / И.А. Беляев. – Оренбург: ОГИМ, 2011. – 360 с.
8. Беляев, И.А. Целостность и свобода человека / И.А. Беляев, А.М. Максимов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – 180 с.
9. Гаранина, О.Д. Философская идея целостности человека как методологическая основа гендерологии / О.Д. Гаранина // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. – 2006. – № 101. – С. 39-44.
10. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по эстетике // Эстетика: в 4 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Изд-во «Искусство», 1968. – Т. 1. – 312 с.
11. Гегель, Г.В.Ф. Наука логики / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1997. – 799 с.
12. Гегель, Г.В.Ф. Философская пропедевтика // Работы разных лет: в 2 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1973. – Т. 2. – С. 5-209.
13. Гуревич, П.С. Проблема целостности человека / П.С. Гуревич. – М.: ИФ РАН, 2004. – 178 с.
14. Кант, И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Сочинения: в 6 т. / И. Кант. – М.: Мысль, 1966. – Т. 6. – С. 5-23.
15. Кант, И. Критика способности суждения // Сочинения: в 6 т. / И. Кант. – М.: Мысль, 1966. – Т. 5. – С. 161-527.
16. Капец, В.П. Цельность человека как один из аспектов его интегральности (философский анализ) / В.П. Капец // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2008. – № 8. – С. 20-25.
17. Нагевичене, В.Я. Целостный человек (христианская традиция) / В.Я. Нагевичене, Д.В. Пивоваров. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 159 с.
18. Нюттен, Ж. Мотивация, планирование, действие // Мотивация, действие и перспективы будущего / Ж. Нюттен. – М.: Смысл, 2004. – С. 15-348.
19. Пивоваров, Д.В. Онтология религии / Д.В. Пивоваров. – СПб.: Владимир Даль, 2009. – 506 с.
20. Плеснер, Х. Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию / Х. Плеснер // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 96-151.
21. Рыбаков, Н.С. Humanitatis studiis в системе образования: исчезающая мера и цельность человека / Н.С. Рыбаков // Профессиональное образование в современном мире. – 2011. – № 3. – С. 98-106.
22. Тельнова, Н.А. Целостность человека в онтолого-антропологическом измерении / Н.А. Тельнова. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. – 205 с.
23. Тельнова, Н.А. Целостность человека как философско-антропологическая проблема / Н.А. Тельнова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. – 263 с.
24. Тельнова, Н.А. Целостность человека: специфика модальности и способы измерения / Н.А. Тельнова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2005. – № 4. – С. 73-79.
25. Филатов, В.И. Социально-онтологические основания целостности человека / В.И. Филатов. – М.: Изд-во МГУК; Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. – 311 с.

Сведения об авторе:

Беляев Игорь Александрович, доцент кафедры философии
Оренбургского государственного университета, доктор философских наук, доцент
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, (3532) 372586, e-mail: igorbelyaev@list.ru